

ФЕСТИВАЛЬНЫЙ ВЫПУСК

ТЕАТРАЛЬНАЯ ГАЗЕТА

№5

24 ИЮНЯ 2014

«ХРАМ РАЗРУШЕННЫХ НАДЕЖД»

Олег Богаев «Вишнёвый ад Станиславского»
Свердловский государственный
академический театр драмы, г. Екатеринбург

Пьеса «Вишнёвый ад Станиславского» была написана четыре года назад, но, к сожалению, актуальность её никуда не исчезла. Скандальных историй о конфликтах трупп и режиссёров год от года не становится меньше. Под впечатлением от этой неприглядной стороны театральной жизни Олег Богаев и написал свою чёрную сказку. Метафора «съеденный режиссёр» у него вовсе не метафора, а самая что ни на есть реальность.

Посередине сцены плотно свёрнутый в трубу, как кишка неприглядный, висит театральный занавес с легендарной эмблемой МХТ. Слева на стене – галерея портретов великих режиссёров, начиная от Станиславского и Эфроса и заканчивая Вырыпаевым, Богомоловым и Колядой. Среди них же, кстати, скромно представлен и Дмитрий Касимов – постановщик эскиза. На другой стороне сцены – режиссёрский столик, в углу – носилки с воткнутыми в них цветочками, ждущие очередную жертву. Всё, больше ничего нет, вся сцена отдана во власть их величествам артистам.

Актёры проекта «Молодой театр», словно масляными красками, жирно и сочно рисуют все артистические пороки, все профессиональные болезни типа самовлюбленности, надменности и бесчувственности. Их гротескная манера существования действительно смешит там, где, просто читая текст, даже улыбаться не хочется.

Нужно сказать, что Богаев одинаково негативно относится к обеим сторонам фронта. Его раздражают ни на секунду не перестающие играть «актёрские стаи». Но также высмеивает он и образ режиссёра – экспериментатора, выворачивающего всё наизнанку, заставляющего артистов, в буквальном смысле, говорить чеховский

текст наоборот. Так и получается, что единственной светлой и невинной стороной в данном треугольнике остаётся драматург, но он, увы, за кадром.

Эта история по-настоящему жёсткая и жестокая. Показательно, что кровожадная стая артистов не своими руками, а при помощи влюбленного в театральное искусство простодушного зрителя складным ножиком убивает режиссёра и готовится к его поеданию. А режиссёр, как птица Феникс, вновь и вновь восстает из мёртвых. Как начало репетиции – так он жив-здоров и готов к работе... Сила искусства, что сказать.

Всё здесь происходит не по-настоящему. Всё фарс, всё игра. Благодаря этому, несмотря на весь ужас ситуации, у нас нет ощущения настоящей трагедии. В ту же секунду, когда раздавленно-го режиссёра, находящегося в очередной раз при смерти, оставляет последний друг, художник, и он начинает плакать – раздаётся суровый голос звуковика: «Фонограмму какую ставить?»

Объёмности и глубины спектаклю добавляет сцена, которой нет в тексте Богаева. Это слова великих постановщиков: Камы Гинкаса, Роберта Стуруа, Льва Додина, Питера Брука, Маттиаса Лангоффа и др., о сути и смысле театра. Их в записи проговаривает Режиссёр: «Можно сказать, что в театр человека приводят мечты о бессмертии... Мы так замусолили искусство и, в частности, театр интеллектуальными изысками, что обесценилась чистота и однозначность... Театр – храм искусства, но он ещё и храм разрушенных надежд, иллюзий... Театр – это такое место, где философия перестаёт быть идеей, а становится живым, непосредственным опытом...»

Это единственная по-настоящему серьёзная сцена. В этот момент вместо фотографий режиссёров на экране появляется фотография «Молодого театра». Быть может, для них данный спектакль своего рода психотерапия. Возможность проиграть этот самый худший вариант, чтобы в реальной своей творческой жизни избежать его.

Инна Афанасьева

«БЫТЬ ЧЕСТНЫМ ПО ОТНОШЕНИЮ К СЕБЕ, АРТИСТАМ И ЗРИТЕЛЯМ», —

ДМИТРИЙ КАСИМОВ, РЕЖИССЁР СПЕКТАКЛЯ «ВИШНЁВЫЙ АД СТАНИСЛАВСКОГО»

О каком театре твой спектакль? О каком-то конкретном, или...

Поскольку, я работаю в этом театре, то о нём. И о наболевшем (про него) у меня. Но, по большому счёту, конечно, это ситуация общая. Сейчас многие театры, и московские в том числе, разбирают конфликты или даже скандалы между художественным лидером, начальником, директором — и актёрами. И Театр на Таганке, и Театр Станиславского... Меня в первую очередь волнует — что сейчас происходит с театром вообще, в принципе.

То есть, ты радеешь — за театр России?

Ну, почему сразу так? Хотя... а как иначе? Отвечу вот что: я делал спектакль про отношение к конкретному театру России, в котором я сейчас работаю, Свердловскому театру драмы. Меня здесь многое не устраивает... и я тоже здесь многих не устраиваю, конечно же! Наверное. Судя по всему. (Смеётся.)

А ты какой режиссёр: тот, кого едят, или тот, у которого у самого «челюсти, как у динозавра», говоря словами из пьесы Олега Богаева?

Я пришёл сюда со своей труппой, с «Молодым театром», и, слава Богу, вот уже три года, между нами хорошие отношения. Мы основываем нашу работу на уважении, любви и доверии. Поэтому я не могу сказать, что меня «едят», как, наверное, любого режиссёра, который работает в стационарном театре. Он приходит туда каждый день, и сталкивается с различными проблемами — хозяйственными, административными, техническими... То у него проблемы с монтировщиками, то с дирекцией, то с артистами... У меня тоже, например, случились здесь, в театре с некоторыми артистами не очень приятные моменты — и кто тут прав, кто виноват, понять сложно... Но ведь я отвечаю за целое дело, за целый спектакль, и поэтому приходится проявлять некую жёсткость, иной раз. Это не потому, что я кого-то не люблю или считаю бездарным, нет! Просто... ну не складывается что-то иногда. Такое ведь бывает в жизни и в театре. Ну, не складываются отношения. Или у нас разное понимание театра, или нет доверия друг к другу... не складывается что-то, и всё! А с кем-то наоборот — всё складывается очень удачно, раз за разом. Это спектакль «Молодого те-

тра», в котором пока... — пока! — всё у меня складывается. Но никто и никогда в театре не застрахован ни от каких ситуаций.

Что же нужно, чтобы сделать хороший спектакль? Чтобы и живой он был, и новые формы присутствовали?

Этого я не знаю... Но точно могу сказать, что нужно быть искренним, работать очень честно. Быть честным по отношению и к себе, и к артистам. И к зрителю. Не пытаться никого обмануть. Это самое главное. Мне кажется, нельзя просчитать художественный успех, его нельзя предвидеть или предсказать: вот, я сейчас поставлю спектакль, и он будет хороший! Надо просто работать честно и самоотверженно. Это может быть долго, а может «нахрапом»... но спрогнозировать, как это будет, и будет ли вообще, точно невозможно. Это — звёзды сходятся так. В каждом новом спектакле, кроме режиссёра, есть ещё художник, композитор, артисты, настроение этих артистов, ещё много разных мелочей, привычных или случайных — и из этого всего потом получится спектакль. А может ничего не получится. А может ничего не получится только на первом этапе, или даже весь репетиционный процесс — а потом, в самом финале, вдруг вырастет что-то большое... Или наоборот: всё получалось-получалось на репетициях, а в итоге — пшик! И всё это — нормально, надо быть всегда готовым к любому повороту событий. Я, например, считаю, что неудачи бывают иногда полезнее удач. Они отрезвляют тебя, заставляют задуматься, мобилизуют — и ты начинаешь двигаться дальше.

Почему ты решил поставить такую пьесу про театр?

Да всё случайно получилось... Мне нужно было сделать эскиз к презентации книги Олега Богаева, мне сказали: бери любую пьесу. Я читал, читал...

и ничего меня не трогало. Не понимал, зачем это сегодня нужно, ну честно. Одну читаю, другую, третью... И вот добрался до конца – а эта пьеса последней в книге была – и вдруг понял, что буду ставить именно её. Потому что всё, что у меня к этому моменту про театр наболело, я могу выразить сценическими средствами, делом. Что я могу сказать всё это не где-то в кулуарах, не на кухне, не кому-то по телефону, например... а со сцены. Сказать, что происходит с этим театром. А с ним происходит кошмар. Очень пасмурная погода в театре, ничего не меняется, несмотря на количество спектаклей, премьер, несмотря на какие-то удачные рецензии, отзывы... Мне кажется, что нужно менять что-то в сути, в корне.

А тебя не «съедят» здесь, в театре, за такие слова?

Честно скажу: меня здесь больше не устраивает, чем устраивает. Я не «вцепился» в него мёртвой хваткой, не уселся, не держусь... Если придётся уйти – я уйду. Потому что, наверное, надо двигаться дальше. Если я не могу ничего изменить, если я понимаю, что то, за что я здесь рублюсь и радею, никому не нужно, кроме меня... Но, по крайней мере, я буду знать, что я попытался. Я

предложил другой путь, другую цель, другой способ существования. Я не смолчал, а значит, чешен перед собой. А какие это даст плоды, результаты, и для кого, и когда, и даст ли вообще – это уже другой вопрос.

Для какого зрителя этот спектакль? Кто, ты бы хотел, чтобы тебя услышал?

Я не знаю, будет ли интересен рядовому зрителю спектакль про «изнанку» театра... Мне бы хотелось, чтобы, в первую очередь, его увидели те, кто имеет к театру более непосредственное отношение. Театральный зритель. Хотя, наверное, он и так всё это знает! Может быть, простому зрителю будет интересно, что мы этим спектаклем говорим о том, что нас искренне волнует. Что меня волнует. Каждого из нас, людей театра. Чехов замечательно сказал: если в туалете вонь, или все воруют, то в этом виноваты все, а значит, – никто... Как говорится у нас в спектакле: если я вижу невымытый пол на сцене, я прихожу в неистовство, потому что это халтура. А с этой маленькой халтуры имеют право халтурить все. Ясно, внятно и чётко сказано – про любой театр.

Беседовала Вера Цвиткис

«МЫ УСПЕЛИ ВЫЗВАТЬ СКАНДАЛ В НОВОУРАЛЬСКЕ», – Валерий Долганов, режиссёр спектакля «Три китайца»

Валерий Долганов и его молодёжный коллектив «Пластелин», наверняка, запомнились многим зрителям второго «Коляда-Plays» мрачным спектаклем «Фантомные боли» и весёлой сказкой «Фокус-покус». На нынешний фестиваль режиссёр приезжает в новом качестве и с новым коллективом – Новоуральским театром музыки, драмы и комедии, реформированной Новоуральской опереттой, которую Долганов опять же в своё время возглавлял. Впрочем, в числе актёров этого коллектива есть и артисты, памятные по «Пластелину».

Алексей Еньшин узнал у режиссёра, как живётся новой драме в «большом театре» и в «маленьком городе».

– Мне предложили возглавить новый коллектив, поскольку небольшой город не может содержать такой большой театр как оперетта, было решено сделать такой, многожанровый. Не знаю, как всё сложится, мы существуем всего полтора сезона. Сама оперетта, конечно, никуда не делась, но к тому же появилась возможность эксперимента, такого как «Три китайца» или «Про коров» (неигровой спектакль, который мы тоже покажем на фестивале). И... мы уже успели вызвать скандал. Меня обещали посадить на срок от года до трёх за разврат молодёжи в «Трёх китайцах». Нашлись

такие люди, которые обнаружили там измену и разврат. Но мы продолжаем работать.

Пьеса «Три китайца» была мне фактически подарена Николаем Колядой. Он написал на экземпляре «Ставь, как хочешь», правда, потом добавил: «Да всё равно не поставишь, наверное». Сложно объяснить, почему взялись за неё именно сейчас. Но что-то в ней задевало душу, и историю мы поняли. Артистам пьеса понравилась. Приятно работать, когда актёры доверяются полностью, когда такое единодушие в коллективе – это редко.

Получился спектакль о мечте. Что такое мечта, что люди по-разному её понимают. Что эти дни, которые мы вырываем из своей жизни, исчезают бесследно. Ощущение и выражение мечты о жизни.

КИТАЙ НА НАШЕЙ СТОРОНЕ

Николай Коляда «Три китайца»
Театр музыки, драмы и комедии, г. Новоуральск

К пьесе Николая Коляды «Три китайца» отношение у меня, скажем так, личное: прототипом поселка на окраине провинциального города стал район в городе Каменске-Уральском, где сам Коляда проходил срочную службу и где чуть позже автор этих строк прожил лет двадцать пять своей жизни. Всегда интересно увидеть взгляд на свой город со стороны, даже если впечатление он производит далеко не позитивное.

Однако до сих пор никто из режиссёров не удостоился перенести пьесу на сцену, и поэтому показанный накануне спектакль Новоуральского театра музыки, драмы и комедии уже стоило бы удостоить медали «За отвагу», поскольку пьеса всё-таки длинная, медлительная, замонологизированная, практически беспросветная, как туман, стусившийся на окраине промышленного городка.

Впрочем, режиссёр Валерий Долганов, известный завсегдатаем «Коляда-Plays» по работам молодёжного театра «Пластилин», не стал рисовать индустриальный пейзаж или беспросветную глушь, хотя, наверное, Новоуральску разукрашенный дымящими трубами горизонт тоже не в диковинку. Конкретный силикатный завод, который реально «пыхтел» на окраине Каменска, переименовали в некий абстрактный Комбинат. История приобрела некую универсальность, ассоциируясь с любой более-менее техногенной провинциальной дырой, каких в России навалом.

По пьесе прошлись с косметическими правками, чуть сокращая, чуть поджимая, изменения коснулись каких-то специфически-бытовых моментов, либо анахронизмов вроде ушедшей уже в небытие видеодвойки и кассет VHS.

Еще одним плюсом нужно назвать возраст актёров, который почти соответствует заявленным в пьесе возрастам действующих лиц. Все трое исполнителей, занятые в главных ролях, выпускники или студенты театрального института. 20-летнему актёру, играющему 20-летнего дембеля, веры, и правда, гораздо больше, чем его, допустим, 30-летнему коллеге, даже если исполнитель роли Тимофея до этого был танцовщиком в балете Новоуральской оперетты.

При этом вместе с молодостью есть ещё и элемент неопытности, что особенно заметно, когда актёры работают с таким непростым текстом, наполненным монологами. Нет-нет да кто-нибудь устроит кружок выразительного чтения, с сопутствующими пафосом и экзальтацией. Впрочем, такие «приступы» вполне из-

лечимы хоть режиссёром, хоть самостоятельно, по мере приходящего опыта.

Другое дело, что и режиссер не чужд экзальтации и пафоса, стараясь закончить свой спектакль на высокой ноте (преимущественно крике), что в нынешнем спектакле, что в давешних «Фантомных болях», например. Но если пьеса Сигарева предполагала финал «на разрыв аорты», то герои Коляды к финалу практически всегда изживают свой конфликт, приходя если не к любви и гармонии (в любой даже катастрофической обстановке), то к некоему смирению и спокойствию. Поэтому в ход идет уже финальная ремарка, произносимая персонажем Лилии о том, что «туман рассеялся, а там...». Исполнительнице роли Лилии, пожалуй, пришлось тяжелее всего: ее героиня, современная юродивая, совмещающая и невинность, и прагматично-бытовое отношение к сексу, и наивность, и упертый бытовой жлобизм, и идиотизм, и обаяние, к которому должно тянуть Тимофея. Тут и не каждая прима осилит такой набор.

Пафосные моменты разбавляет оригинально подобранная музыка: перепевки на китайском советских хитов от «Ой, цветет калина» до «Если завтра война». Вообще из «китайской» составляющей в названии вытянули всё, что только было можно: и красный занавес с иероглифами, и соломенные шляпы, и даже порвавшие интернет «очкинада». Но при этом регулярные танцевально-музыкальные вставки с мимансом из всё тех же трёх китайцев периодически затягивают и без того неспешное действие.

Что в итоге? Спектакль на удивление ровно вписался в не самую удобную сцену Центра современной драматургии, в некоторые моменты казалось, что он вполне вписался бы и в местный репертуар. Хотя некоторые решения, вроде финального выхода героев «во всем белом» заставили недоуменно чесать в затылке.

Алексей Еньшин

КУГЕЧЕ ЙУР — БОГ ЛЮБИТ

Злата Дёмина «Бог любит»
Марийский театр юного зрителя, г. Йошкар-Ола

В фойе «Коляда-Театра» очередь, люди с папортами в руках – приехал Марийский театр юного зрителя города Йошкар-Олы, зрителям выдают наушники, документы берут в залог. Спектакль будет на марийском языке. Наушников на всех не хватает. Николай Коляда успокаивает тех, кому не досталось: «Пьеса очень простая: что делают беременные бабы в роддоме? Сначала рассказывают друг другу о своей жизни, потом ругаются, потом мирятся, а потом рожают. Так что вы всё поймёте», – зал смеётся

На сцене действительно предродовая палата – стерильная белая стена из натянутой ткани, будто полотно экрана. Четыре кровати, четыре тумбочки и стол. На кроватях располагаются четыре беременные женщины. Зрители ждут первых слов, чтобы услышать марийскую речь. И вот она полилась, зажурчала, как заклинание, как заговор. И тут же эхом в наушниках раздаётся спокойный голос переводчицы. Возникает ностальгическое ощущение, словно сидишь в полупустом зале кинотеатра маленького городка в будний день и на белом заднике-экране смотришь старенькую мелодраму восточной Европы с одноголосым переводом.

На сцене всё как в кино, с реалистичными подробностями: вязание в руках, личные вещи в тумбочках, тарелки на столе и подробные вдумчивые диалоги с чувством, с толком, с расстановкой – настоящий русский реалистический театр, только на марийском языке. Станиславский бы позавидовал. Мало-помалу зал «втягивается» и начинает реагировать, даже те, кто без наушников. Ведь, действительно, всё понятно. Перед нами четыре характера, четыре судьбы с одним и тем же событием – новая жизнь внутри. Но отношение женщин к нему – разное. Лена уже устала рожать, пятого ждёт; Галя первого ожидает, как чудо; Ольга не может выносить, «троих детей пережила», и этого бережёт как зеницу ока; а Рита

залетела пятнадцатилетней сикухой и собирается делать аборт. У каждой своя правда. Но у матери-природы правда одна: ещё один виток спирали, новая жизнь, которую нельзя запланировать или откреститься от неё, если не хочется. Душа попадает в тело в единственно верный момент, когда всё сошлось в одну точку, когда «Бог любит». А всё остальное – рефлексия.

Больше всего смешит и меньше всех рефлексировует Лена, вот уж в ком виден истинный марийский характер. Она комична, эта разбитная женщина – и за словом в карман не полезет и коня на скаку тоже остановит. Образ Риты передан в карикатурном жанре, Гали – в жанре мелодрамы, она до надоедливости слезливая и боязливая, а Ольга трагично-драматична. Четыре жанра, четыре характера уживаются в одной палате в ожидании чуда, вразумляют друг друга, каждая в свою сторону, как лебедь, рак и щука – но остаются при своём мнении и со своим итогом. А дни в этом ожидании тянутся долго... чтобы подчеркнуть их однообразие и мучительную тягучесть, режиссёр Олег Иркабаев выделяет ночи долгими ЗТМ, на протяжении которых играет лиричная музыка. От ночи к ночи музыка становится яростнее, и в кульминационный момент, когда погибает ребенок у Ольги, в Пасху, сквозь красивые хоральные песнопения прорывается трагичное горловое пение и пробирает до мурашек.

Актрисы Клара Аникина, Зинаида Долгова, Любовь Купсолцева и Светлана Никитина играют этот спектакль с радостью и любовью, искренне плачут, рассказывая зрителю о близкой их сердцу теме.

Ирина Плесняева

Олег Иркабаев: Чтобы зритель не остался равнодушен

Как вы познакомились с пьесой «Бог любит» и почему взяли её в работу?

Мы поставили «Мурлин Мурло» Николая Коляды и привезли спектакль на гастроли в Екатеринбург. Тогда же познакомились с Николаем Владимировичем, он подарил нам сборник пьес молодых драматургов, своих учеников. Пьеса «Бог любит» сразу запала мне в душу. Я с комком в горле её читал, хотелось, чтобы молодые это услышали. Тема очень важная, особенно в наше время, когда к беременности и аборту такое лёгкое отношение. Спектакль изначально был поставлен со студентами, и заслужил высокие оценки. Потом, когда ребята выпустились, мне стало жалко расставаться с этой работой... Был сделан перевод пьесы на марийский язык, спектакль восстановлен в новом составе – и сейчас он уже второй сезон идёт у нас в театре.

Продолжение на с. 6

Начало на с. 5

Мы поняли, что для марийского зрителя это тоже может быть очень важно и интересно — и не ошиблись! А когда спектакль был показан на фестивале «Йошкар-Ола театральная», исполнительница роли Ольги получила приз за лучшую актерскую работу, а я — за лучшую режиссуру. Критики также отметили способность драматурга Златы Дёминой тонко чувствовать женскую природу. Конечно, спектакль у нас, на вкус марийского зрителя, весьма специфический... Надеюсь, сегодня, в Екатеринбурге, зритель тоже не остался равнодушен!

Не трудно было работать с сугубо женским коллективом? Не «загрызли» они вас?

Нееет! Они работали очень увлеченно. Чтобы артистки «не загрызли», надо предлагать им хорошие пьесы. Не полюбить эти роли — невозможно. Что такое хорошая роль? Где есть что играть, что сказать, есть глубина и мысль, и судьба человеческая. Где характер проявляется в столкновениях. Наш спектакль о том, как женщины прошли испытание. Кто-то прошёл, а кто-то нет... жизнь слов-

но испытывает их на прочность. Выдерживают это испытание лишь те, у кого Бог в душе.

Вы можете себя назвать верующим человеком?

Естественно, я верующий. Надо верить. В себя, в разумное начало. Надо жить по разуму, по душе. Бог внутри.

Каких тем вам, как режиссёру, не хватает в современной драматургии?

К счастью, есть огромное количество пьес, которые я хотел бы поставить, в том числе и среди произведений молодых марийских драматургов. Я очень тепло отношусь к Николаю Владимировичу за то, что он возвращает талантливых учеников. Мы тоже пытаемся это делать у себя в театре, вместе с замечательным марийским драматургом Геннадием Гордеевым, заведующим нашей литературной частью. Он собрал лабораторию «Новая пьеса», где проходит конкурс на лучшую марийскую пьесу. Мне кажется, что во многом благодаря именно уральским авторам, современная драматургия развивается, обретает уверенность и признание. И становится частью нашей жизни.

Беседовала Анна Батурина

КОЛЯДА LIVE

Прямые трансляции фестивальных событий

Показывать в прямом эфире спектакли «Коляда-Plays» — идея отчасти безумная, и нас многие отговаривали. Нам же, наоборот, казалось странным — почему никто до сих пор этого не сделал. Нужно ведь не так много: две камеры, компьютер, много проводов, подходящее программное обеспечение, точка доступа в Интернет, розетка 220V. И простое желание поделится праздником с теми, кто лишен этой радости — жить в Екатеринбурге.

Есть ещё азарт — в том, чтобы принять этот вызов и дать зрителю по другую сторону экрана картинку, максимально приближенную к той, что видят зрители в зале, со всеми смысловыми и визуальными акцентами, заложенными постановщиком. Дать её здесь и сейчас, в реальном времени, с живой реакцией зала, со всеми эмоциональными перепадами. В этом тоже есть своего рода творчество — и оператора, и режиссёра трансляции. Есть ощущение сопричастности тому, что происходит на сцене.

Мы не долго думали, где искать поддержки нашей идее — все расходы (их немного, но они есть)

взял на себя Союз театральных деятелей России. Там же, на сайте stdrf.ru, на главной странице есть ссылка, ведущая на окно прямой трансляции. Ещё одно окно — на сайте Дома актёра в Екатеринбурге (domaktera.ru), еще одно — на нашем сайте (tvteleport.ru).

Самое время представиться. Мы — это Творческая группа «Телепорт», сообщество энтузиастов цифрового вещания и гражданской журналистики. В холодную цифровую эпоху мы пытаемся вернуть к жизни настоящее телевидение — живое, трепетное, естественное, без цензурных и редакторских ножниц, построенное на искренней вовлеченности в происходящее, как зрителей, так и создателей.

Наша мечта — сделать на следующем фестивале ежедневный эфир в стиле олимпийских трансляций «России 1» — с утра до вечера, со всех площадок, с репортажами и студийными включениями, полуночным подведением итогов каждого дня. И практика показывает, что в некоторых случаях простого желания бывает достаточно.

Анастасия Желтышева, Алексей Вдовин
Творческая группа «Телепорт» — tvteleport.ru

Выпуск подготовили:

Елена Гецевич,
Вера Цвиткис

Добавить в избранное!

Все новости фестиваля
на www.domaktera.ru

